
А.В. Шарычев
Рассказы в стихах
18+

Алексей Шарычев
Рассказы в стихах

https://litres.ru/74715757
SelfPub; 2026

Аннотация

Написал я рассказы в стихах, чтобы вы их смогли прочитать, восседая на мягком диване, попивая наваристый чай. Приготовьтесь взмывать в небеса, и парить на ветрах, созерцая прекрасные страны фантазии...

Содержание

Сад вдохновения	4
Путь в пустыне	10
Ландскнехт	19
Огни святого Эльма	32
Свет во тьме	41
Рух	55
Ветер вдохновенья	63
Некрономикон	67
Маг	74
Незваные гости	81
Рок	87
Древняя легенда	95
Монолог пророка	103
Ода мёртвым	109
Числа	114
Часы	119
Жизнь	121
Тысячи стрел	123
Мудрый совет	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Алексей Шарычев
Рассказы в стихах

Сад вдохновения

Ко мне приходит вдохновенье
Дуновеньем ветра в жаркий день;
Прохладу я вдыхаю с наслажденьем,
Понимая, что где-то рядом тень.-
От пекла я бегу скорей под сень
Ветвей, в мой сад воображенья.
В тени дерев спасаюсь от лучей
Палящих; творю стихотворенья,
Плоды с кустов сбираю не спеша.
Гуляя по ухоженным аллеям,
Вновь сочиняю я рассказ в стихах.
Сюжеты на кустах-столетьях,
Как грозди виноградные висят,-
Под светом времени созрели,
И дарят мне чудесный аромат.
Наберу я с веток ягод спелых
И вино прекрасное создам.
Ах, какое здесь благоуханье!
Ведь я уже как будто пьян

От запаха, и в дали улетаю,
Удаляюсь в райские края.
Мне нравится поэзией дышать;
Сила рифм - необычайная,
Она способна душу окрылять,
И я взлетаю над банальной
Прозою мирскою, - красота...
Много мне досталось урожая.
Надо побыстрее собирать,
Я запасать плоды не успеваю!
Не успеваю сразу записать!

- Начал плавно, не спеша.
Перестань бросать в корзину
Грозди рифм! Ну некрасиво.
Ты ж сюжет хотел создать,
А сам завяз в речитативе.
«Кто здесь? Кто это сказал?
- Оглянись, и посмотри.
Видишь, - Саади стоит.
«Гулистан» же прочитал.
Я постоянно здесь хожу,
Прохлаждаюсь во садах;
Тут везде плоды растут.
Творцы бросали семена:
Низами, Хайям, и я,

Пушкин, Лермонтов, и Блок;
Все певцы за все века
В земле оставили свой слог.
Груша, персик и хурма
Возделаны рукой Гомера
И других поэтов белых.
А самый сочный виноград,-
Настоящий стих умелый,
Посажен ямбом и хореем;
Растёт благодаря творцам.
Ты сии плоды сбираешь;
Молодец! Не уставай!
Только смысл не теряй,
Когда рифмой излагаешь.

- Да у них у всех беда,
Их стихи - наборы слов.
(Отозвался вдруг Омар.
Он стоял возле кустов,
И за нами наблюдал).
Чтобы создавать вино,
Надо ягодки нарвать,
И пройтись по ним умом,
Бочку мыслей потоптать.
И тогда начнёт бродить
Мудрый смысл; на века

Суть благую сохранит
В соке истины. Вот так.
А вы рифмуете, и только.
Вашей брагой алкоголики
Хворь сбивают натощак!
Пишите лучше о природе,
Строчите песни о любви.
Фет, дружище, подойди,
И дай совет неугомонному.

«Нет! не буду я романсы,
Мне по нраву лишь поэмы;
Я творю стихи в рассказах.
Или как назвать их? эти...»
- Рассказ в стихах, наверно?
Выдумают новый термин!
(Сказал, нахмурясь, Фет).
Нет, тебе другой субъект
Поможет в этом деле,-
Смесь поэта и Гомера.
- А здесь такого нет.
Хайям, ты видел где-то
Грейпфрутовое дерево?
- Так это ж сей поэт!
Ведь он же ежедневно
Садовничает здесь;

Сажает басни в землю,
Копает махом текст,
Взрыхляет, поливает.
Странные плоды
На древе созревают,-
Рассказы и стихи.
«Но это не смешно!
Я вовсе не грейпфрут!
Да, порой мой слог
Плохой, - я тороплюсь.
И правил я не знаю,
На слух всё подбираю.»

- А по ушам медведь
Прошёлся, несомненно.
(Сказал ехидно Фет).
«Хватит портить нервы!
Я новаторский поэт,
И презираю схемы!»
- Дадим тебе совет:
Пиши свои поэмы
Медленно, но верно,
И вечные плоды
Соберёшь на древе.
Приходи в сады
Наши, да почаще,

И клочок земли
Возделай подходяще.
А нет, так уходи
К прозаикам на поле,
И прозой говори;
Копайся в чернозёме,
И дыни получай,
Чеснок и помидоры...
«Ох, спасибо вам!
Советы я запомнил.
Пойду-ка поливать
Всё деревце водою.
Расти, рассказ в стихах!
А критики удобрят.»

Путь в пустыне

Сбросив прах земного бытия,
Уйдёт на небосклон душа моя,
И обретёт чертог в иных мирах,
Там счастье и восторг познаю я.
Часть души оставлю в письменах,
И тот, кто жив, прочтёт мои стихи.
Читая стих, он станет поминать
Меня, - и я с ним буду говорить.
О многом я хочу вам рассказать.
Суть в слова мне трудно уместить,
И потому пишу рассказ в стихах,
Чтоб из историй кратких, бытовых
Тянулась нить к далёким небесам.
Небесное с мирским хочу связать;
К иным мирам я провожу мосты,
Чтобы вы смогли по ним шагать,
Сбросив груз всей скучной суеты.
В этой жизни царствует мечта.
Люди в мире спят и видят сны,
Иллюзорный мир они творят,
И прочь не могут из него уйти;
Создают свой рай, и строят ад,
Обрывают в высший мир пути,

И снова возвращаются назад
На поля Земли. И только мысль
Способна из рутины вознести
Сознание людей в небесный град.
Стучите же в закрытые врата,
И сила мысли их быстро отворит.-
Вот про это будет мой рассказ.

В сирийских безводных степях
Посёлок стоит небольшой,
Всего лишь десяток шатров.
А рядом дорога в Дамаск,
И по ней караваны идут.
И те, кто в посёлке живут,
Приносят припасы купцам,
И задорого всё продают.
До города три дня езды,
И сильно купцы голодны;
А тут им всегда поднесут
Лепёшки и сочное мясо.
В посёлке давно занимаются
Готовкой напитков и яств.
Жаровни у них размещаются
В трёх огромных шатрах,
И там поселяне стараются
Вкусную пищу создать.

Для этого бродят стада,
Бараны повсюду скитаются.
А водят их три пастуха.
(И долго им надо пасти
Стадо, здесь мало травы).
Старший пастух Хасан,
И два мальчугана с ним:
Али, и Рустам-Толстяк.
И вот как-то раз остались
Они с ночёвкой в степи.
В пустыню почти забрели,
Долго пасли, скитались.

Хасан, разведя костёр,
На шкуру баранью прилёг,
И слово юнцам произнёс:
«Хасан собирается спать.»
(Хасан был умом недалёк,
Всегда говорил сам с собой,
Но знал дурачок хорошо
Дороги в безводных степях).
Улёгся он спать; а юнцы
Стали за стадом следить.
Но вскоре и сами уснули...
Их пробудил страшный крик,-
Хасана ножами пырнули

Разбойники... Баранов троих
Бродяги с собой умыкнули.
А Рустама с Али напугали,
Сделали вид, что зарежут.
Быстро парнишки бежали,
Мчались, как кони бешеные;
И вскоре в пустыню попали.

Когда они чуть отдышались,
Рустам-Толстяк произнёс:
«Надо бы нам возвращаться,
Давай-ка обратно пойдём.
В той стороне было стадо.»
Пошли они в том направленьи,
Но там были только барханы:
Песок, и злой хладный ветер
Встречали юнцов. Всюду мрак,
Холодная ночь, и пустыня.
Звёзды сияли в ночных небесах,-
Лишь они путеводною нитью
Могли послужить; но Али и Рустам
Не знали подсказок светил,
Стали кругами в пустыне блуждать,
Не в том направлении шли.
Решили они подождать,
Когда рассветёт, и потом

Пути из пустыни искать.
Зарывшись плотно в песок,
Пытались они задремать,
Но холод им спать не давал.
И стали они рассуждать:

«Холод жестокий утром уйдёт,
Но придёт иссушающий зной.
Если мы завтра путь не найдём,
То вскоре от жажды умрём...»
- Али, не тужи; человек проживёт
Множество дней без воды.
С лучами рассвета к дому пойдём,
Мы сможем дорогу найти!
«Но если шакалы на нас нападут?
Ты слышишь, как воют они...
Мы точно останемся трупами тут,
Мы ляжем в песок костьми!»
- Потише, Али! Десять лет я живу,
Но таких наблюдаю впервые.
Люди над будущим редко ревут,
Мы с тобою пока что живые.
Завтра нас ноги к жилью доведут,
Разыщем дорогу в пустыне.
«Как мы отыщем? барханы вокруг,
Нет тут следов и в помине.»

- Утром мы точно увидим
Путь до посёлка, мой друг.
Не надо впадать в уныние,
Глаза нас домой приведут.
«Хасана, наверно, убили?»
- Не знаю... Хасанчик живуч;
Тупой, как ржавая бритва,
Он глупостью татей спугнул.
«Ха-ха! - неравная битва,
Он, видно, такое загнул,
Что враз напугал грабителей!
Завтра отправимся в путь,
И точно посёлок разыщем;
Ведь нам поможет наш ум.»

Солнце беспощадно воссияло,
С раннего утра уже тепло.
Барханы постепенно накаляясь,
Иссушали воздух. Тяжело
Переставляя ноги, шли ребята,
И встречали только лишь песок.
А днём пришёл жестокий зной;
Тени нет, везде витает марево.
Но страшнее пекла была жажда,
Она терзала юных сорванцов,
Заставляла непрестанно плакать,

Мучила их долго пыткой злой.
И куда ни глянь, - со всех сторон
Лишь песок, пустыня необъятная...

Когда пришла вечерняя прохлада,
Али с Рустамом сразу же уснули;
И сны им дали чудную отраду,-
Души в сонных грёзах отдохнули.
Родных и близких встретили ребята.
Отец с Али тревожно говорил:
«Молись, взывая к милости Аллаха,
И путь в песках сумеете найти.»
С Рустамом говорила его бабушка.
(Она давно ушла в миры иные).
Вот так она внучонку говорила:
«Посмотри на это небо радужное.
Скоро мы с тобой увидимся»

Проснувшись ранним утром, до зари,
Али с Рустамом, не теряя времени,
По пескам бескрайним вдаль пошли.
И, как вчера, скитались они тщетно.
Жестокий зной тела их опалил,
И жажда тяжкая измучила совсем их.
Они уже не шли; почти ползли.
Едва дождались сумерек вечерних...

На следующий день всё повторилось.
В юнцах совсем пропал остаток сил.
Али Спасителя великого молил,
Но не сходила божеская милость,
Не нашли они в песках пути.
Сознание от жажды помутилось,
Безмолвно они вдаль брели...
И снова ночь холодная спустилась
С небес высоких. Снова сны
Пришли к ребятам, дав успокоенье,
Отраду подарив им на мгновенье...

И снова зной жестокий их терзает,
Али в молитве отчаянно взывает
К Творцу миров: «Помилуй и спаси!
Избавь от ужасающих страданий!
Спасение от бед скорей пришли!..»
И вдруг, когда они прошли бархан,
Али увидел пред собой дорогу,
По которой шёл огромный караван.
Потом пропал он: пыль и только,
(Али, бежав, ногами пыль поднял).
Но тропа была уже протоптана,
Следы копыт виднелись тут и там.
(Рустам уже лежал неподалёку,
Он ходить не мог). Али вскричал,

Что есть сил: «Эй! Кто там? Кто вы?!
Возвращайтесь побыстрей назад,
И дайте нам воды хотя б немного!»
Закричав, он потерял сознанье...

Когда Али опять пришёл в себя,
Увидел он, что едет в караване.
И друг его Рустам был тоже там,-
Тело было рядом бездыханное;
А дух его твердил: «Не унывай!»

Ландскнехт

Сегодня при дворе спектакль,
Актёры будут представлять
Комедию, - «Богатый мавр».
Есть в замке театральный зал,
И там сбирается вся знать,
Чтоб славно время провести.-
Знакомства можно завязать;
Иль просто душу отвести,
Смеясь над бедами героев.
(Сюжет у них всегда один,-
Кому-то повезло премного,
А кто-то злато всё спустил.
Бедняк пытается невесту
Среди знатных дам найти;
И ставят бедного на место,-
Принц состряпан из муки!
Весь в заплатах, как мешок!
И в зале раздаётся взрыв
Хохота, - истошный рёв;
Знатным зрителям смешно).
Меня сюда приводит мать,
Чтоб мне невесту подыскать
Из богатого семейства.

Мой отец - баварский граф,
Он оставил мне наследство,
А сам погиб в лихих боях.
Завещанье он составил так:

«Если брат моей жены
Придёт с войны живым,
То долю сына нужно дать
Для храненья - всю ему,
Чтобы смог распределять,
Так сказать, мою казну
На царство сына моего.
Нет надежды на жену,
В голове её - трезвон.
Дядя Отто будет кормчим,
Он корабль поведёт.
А коли Отто не придёт,-
В поле боя жизнь закончит,
То пускай транжирят всё!
Вот завещание моё...»

И у мамы моей траур,-
Дядя скоро приезжает,
И меня на воспитанье
В свои руки принимает.
И поэтому мы с ней

Часто ходим на спектакли,
На балы, на все затеи
Развлекательные; там мы
Мне невесту поскорей
Ищем, чтоб её приданое
Помогло бы нам в беде.
Мама часто наставляет:
«Братец Отто сущий бес!
Будь с ним очень аккуратен,
Не слушай ты его словес.
Он ужасен, столь бестактен!
Такой же, как и твой отец.
Помнишь ты его характер? -
Он обучал тебя стрельбе,
Когда ты ещё был малым!
И при том при всём он туп,
Словно дуб; не верь ему!
Будь всё время начеку,-
Тёмный Отто свой тулуп
Легко напялит на тебя!
По своим повадкам гадким,-
Он крестьянин, а не граф!
Сын родимый, я страдаю!
Только бог поможет нам!»

И вот приехал дядя Отто,

И маме сразу же сказал:
«Я не стану с вами долго
В этом замке проживать.-
Лишь сегодня; ну а завтра
Мы поедем вместе с Вилли
Ко мне, на перевоспитанье.
И у Вилли будет выбор,-
Лишь пол года он со мной
Проживёт; а дальше сам
Станет здраво выбирать
Какой дорожкою пойдёт.
Денег мне от вас не надо
При условии таком.
Ну и как? согласна, Марта?
Отпускаешь на житьё?»
Мама сразу просияла:
«Будь же для него отцом!
Ты всегда прекрасно ладил
С этим юным сорванцом.
А как же наше завещанье?»
- Можешь разорвать его;
Денег мне от вас не надо.
Я хочу отдать свой долг
Отцу его: юнца наставлю.
«Вот и ладьненько! Пойдём,
Братец Отто, в нашу залу,

И устроим пир горой!»

Рано утром вышли мы
С дядей Отто со двора.
(Не в карете на конях,
На своих ногах пошли).
Дядя Отто так решил:
«Ты пока - не пехотинец,
А стал уже кавалерист!
Шевели хоть на мизинец
Телесами, - сам рысист
Станешь! Это поле брани;
Поле брани - бренный мир...
Ты не граф и не крестьянин.
Помни, Вилли, - воин ты!»

Дядя Отто весьма странный.
Когда мы к рынку подошли,
Он мне выкрикнул команду:
«Храбрый воин, посмотри!
Видишь нищих возле лавки?
Как же бедняки смешны,-
Чумазые, галдят, как галки;
Их животы всегда пусты,
Словно голова дворянчика.
Смотри, - забыли парики,

Нет у них душеприказчика,
Не напомнил он про них!»

Я невольно рассмеялся,-
Прямо как актёры наши;
Бедяки всегда забавны,
Сильно пьяные, чумазые
Бедолаги возле лавки!
Дядя Отто снова гаркнул:

«Воин, посмотри туда!
Видишь, нищие без ног
Идут сюда на костылях!
А этот по земле ползёт,
Пыль руками поднимая;
Он готовится на взлёт,-
Словно птица, запорхает
В небесах, и сверху какнет!»

Посмотрел я на калек,-
И не до смеха стало мне...
Дядя это вмиг приметил,
И сказал мне: «Человек,
Ты ещё душою светел!
В самый раз я подоспел!
Слушай, Вилли, если б ты

Посмеялся бы над ними,
Я б тебя к чертям спустил
В преисподнюю!.. Забыли.
Вот что я скажу, сынок:
Помни, бедность - не порок.
Не глумись над нищетой.
Сегодня ты имеешь дом,
А завтра побредёшь с сумой.
От сумы и до тюрьмы
Никогда не зарекайся.
Мы во власти у судьбы;
Меру зла и меру счастья
Держит у себя в руках
Беспристрастная Фортуна,-
Нам улыбаясь иногда,
Снова брови свои хмурит.
Состраданье проявлять
Надо к тем, кто обделён,
И тогда сама судьба
К лучшей жизни поведёт
И того, кто помогал,
И того, кто изнемог.
Никогда не уставай
Ближнему творить добро.
Но если надо, - убивай
Тех, кто совершает зло!

Понял, Вилли? Не зевай.»

Через три часа ходьбы
Добрали́сь мы в замок Отто.
«Нам пора бы закусить!» -
Произнёс мой дядя громко,
И слугам приказал столы
Накрывать, (и нам, и им;
Слуги ели вместе с ним).
Попотчевав меня убойно,
Дядя молвил: «Ну, посмотрим,
Как ты мясо добываешь...»
Мы вошли во хлев к животным;
Там была свинья большая.
Отто дал топор большой мне,-
«Бей по голове с размаху!
И посмотрим, сколько крови
Та башка в себя вмещает!
Мозга там совсем немного,
Ха-ха-ха! Руби давай!»
Я, помешкавши чуть-чуть,
Нанёс животному удар,
Что есть силы - размахнул.
Свинья заверещала дико,
И убежала вглубь загона.
«Эх, неловкий ты детина.

Гляди, как я убью скотину!»
И прибил он очень ловко
Громадную свинью. Потом
Встал у туши он с ножом,
Меня поближе подозвал.
«Будем, Вилли, свежевать...
Глубже в брюхо нож вонзай,
И веди, веди... Вот так...
Что с тобой? Ну не рыгай!
Тьфу ты! Нежная особа!»

Не на шутку стало плохо
Мне; я весь в кишках!
И я уже хотел сказать,
Что дворяне чистой крови
Никогда в таких делах
Не участвуют! Но Отто
Предупредил мои слова:
«Ты се лопаешь с охотой,
Значит, должен убивать.
Видишь, шницели какие!
Помни, Вилли, что судьба,
(И мы об этом говорили),
К нам переменчива всегда.
Сегодня слуги подносили
Яства; завтра станешь сам

Думать, чем же пропитаться?»
Я возразил, что никогда
Дворяне бойней заниматься
Не станут; что за ерунда?
«Не прав ты, Вилли. А война?
Научись рубить скотов,
Чтоб легче стало свежевать
Человеков... Будь готов
Свою добычу добывать!..
Завтра мы придём опять,
И ты сам забьёшь скотину,
И всю тушу сам распилишь.
А сейчас пойдём стрелять.
Раньше ты стрелял паршиво;
Не научила тебя мать?
Сейчас мишени поразим мы!»

Каждый день мы с дядей Отто
Упражнялись в фехтовании,
Из мушкетов мы стреляли,
На лошадях скакали бойко.
Тактику веденья боя
Объяснял мне дядя ловко:
Расстановку, группировку,
И всё подобное такое.
По вечерам у нас застолья

В пышном зале проходили.
(Слуги, что у нас служили,
Поголовно были воинами,
Ландскнехтами все были.
Дядя Отто их пристроил).
По вечерам мы говорили
О храброй ратной доле.
И вот, что дядя мой сказал,
(Сказал, в связи со мною). -

Если сокол вдруг попал
В курятник, куры-воспитатели
Откормят его до отвала:
Он будет вечно в процветании,
Но никогда летать не станет,-
Куры крылья обкорнают.
Вольный сокол ищет кровь,
А не место обитания;
Его стезя - кровавый бой,-
В боях достигнет рая.
Если молод ты душой,
Сторонись сетей куриных;
Набирайся в битвах силы,
И уйдёшь на небосвод.

А потом он продолжал

О жизни нашей рассуждать.
Много мудрого сказал;
В душе звучат его слова.-

Тот, кто спит в своих шатрах,
Напорется на вражий нож.
Воин дремлет на щитах:
Земля в ногах, а небосклон,-
Потолок в его обители.
Запад, север, и восток,
И юг, - всё зорко видит;
И всегда готов на бой
Ринуться стремительно.
Не спите в глубине шатров,
На рать смелей идите,
И встретит вас могучий Бог,
И щедро наградит вас.

Жизнь, как миг. Душа, как птица,
Она летит из дальних стран,
Чтоб на мгновенье приземлиться
В гнездо, и видеть свой очаг,-
Останется в тепле уютном
Лишь на миг; и снова в путь,
В даль неясную, угрюмую,-
Там темно, но там есть суть...

Не держись за ветки жизни,
Снова в мире возродишься.

Так глаголил дядя Отто.
И вот уже прошло пол года,
И я пришёл в родимый дом,
Чтобы сказать, что я в поход
Отправляюсь. Мама плакала,
И все знакомые кудахтали.
Но стойко я стоял на том.
Собрал я документы знатные,
Чтоб командовать отрядом.
И дядя сразу мне помог
Уладить разные детали.
И, поля боя - мой шатёр,
Навсегда ландскнехтом стал я.

Огни святого Эльма

В странствие отправимся мы завтра;
Нам экватор надо обогнуть,
Чтоб добраться к берегам Суматры,
И доставить злато в Сингапур.
Там купцы дадут товар богатый,
Пряности и шёлк нам продадут.
Наш корабль и вся его команда
Подготовились в далёкий путь.
Запасами забили тёмный трюм,
Привели в порядок наши снасти;
И все борта замазали вокруг,
Чтобы избежать в пути несчастья.
А завтра, рано утром, паруса
Мы поднимем и помчимся вдаль.

Солнце озаряет небосклон,
Горизонт морской сияет ярко,-
Бликами искрятся сонмы волн.
Наш корабль гребни рассекая,
К дальним берегам плывёт.
Паруса наполнены дыханьем
Ветра, стремленье набираем,
Вот он, самый полный ход!

Слева, справа нас сопровождают
Резвые дельфины стаями,-
Весело и слаженно ныряют,
И опять взмывают над волнами.
И команда наша веселится,
Мечтая получить себе доход,
Дукатами сполна нажиться.
Добрый кок матросам выдаёт
Рома, чтобы подбодриться,
И легко работка вся идёт,
От счастия сияют наши лица;
Мы удачу скоро обретём!
А вечером мы вместе отдыхаем,
Восседая кучками на палубе;
И о делах моряцких рассуждаем.
Очень много всякого видали
Моряки отважные в портах
И в морях во время плаваний.

Однажды разговор мы завели
Про огни святого Эльма.
Старый шкипер важно говорит:
«Такое странное явленье,
Глядишь: вся палуба горит,
Сияет ярким излученьем;
Или мачта бликами искрит,

Искрятся маленькие эти
Белые, чудесные огни.
Очень часто, как знаменье
Вдруг загораются они
Перед кораблекрушеньем.
А порой огни - наоборот
Сулят удачу морякам.»
- Они всегда перед грозой
Начинают возникать,
Электричество в просторе
Проявляет себя так!
(Завопили мы все хором).
«Да, бывает перед бурей.
Но поверьте, не всегда.
Бывает, - чисто в небесах,
Но огни во всю бушуют,-
Несутся враз туда-сюда
По снастям, по парусам.
Поняли, о чём толкую?»
(И два бывалых моряка
Головами враз кивнули).
«Ну и вот; однажды нам
Довелось сиянье видеть
Перед тем, как наш корабль
Подровнял борта о рифы.
Прифартило нам тогда,

А могли бы все погибнуть.
Остались целыми борта,
Корабль только накренило
После удара, вот и всё.
Всей команде повезло.»
- Это счастливое знаменье
И плохое в то же время,
Смех выходит! Ха-ха-ха!
Удача вместе с невезеньем!
«Вам бы только хохотать;
Поверьте, Эльм не суеверье.
Ваша кровь - пруд молока,
Проплывите кругосветных
Путешествий раз по пять,
Тогда вы всё уразумеете.
А сейчас давайте спать...»
Не пошли мы спать, сидели,
И в даль безбрежную глядели.

По вечерам прекрасен океан,
Когда закат, как зарево, пылает,
И алый свет струится по волнам,-
В бескрайних необъятных далях
Печаль, и вечная краса видна.
Душа моя от счастья замирает,
Я знаю, - рядом тайна бытия,

Суть сакральная существованья.
Начало мирозданья - глубина...
Вечером в просторах океана
Вечность проплывает на волнах,
Плещется и шепчет неустанно:
Жизнь, как миг; как миг - века.
Глубина ведёт опять в начало...

Ночь настала. Непроглядный мрак.
Волны разговор ведут устало,
Рассуждают о других мирах,
Наш корабль слегка они толкают,
Подгоняют к дальним берегам.
В темноте не видно ничего,
Бесконечность тёмная за бо́ртом.
Наш корабль наугад плывёт;
Рассекая волны, мчится бодро.
И лишь звёзды в небе высоко
Помогают верный путь найти,
Озаряют светом тайну тьмы,-
Там, во мраке, - сотни солнц.
Наш корабль не видит берегов,
Но плывёт по верному пути...
Ночью в океане хорошо
Звуки бесконечности слышны:
Долгий и тоскливый стон,-

Песни грустные поют киты,
Неся на спинах бренный мир.

Утро наступило. Солнце вновь
Озарило бездну вод морских.
По волнам гуляет лёгкий бриз.
В небесах не видно облаков,-
Прекрасная погода предстоит.
Наш корабль далеко плывёт,
Чтобы встретить на своём пути
Ясный день, и вечер; а потом,
Тёмной ночью плаванье забыть...
На меня всегда находит стих,
Когда я нахожусь у океана.
Быстро мчится моя мысль,
И с ней душа несётся в дали
Необъятные, за грань миров.
Перед взором водный горизонт,
А душа среди ветров витает...

Долго длилось наше плавание,
И мы уже вблизи Суматры;
Пару дней, и будем там мы.
Но волны стали подниматься.
И капитан сказал команде:
«Нам придётся оставаться

На безопасном расстоянии
От берегов, - скоро цунами.
Корабль в щепки разобьёт,
Если будем подплывать мы.
В открытом море переждём.
И чтоб на вахте не зевали!
Примем же стихийный бой!»

Страшно буря грохотала,
Ветер бешеный ревел,
Поднимался вал за валом.
Наш корабль заскрипел
Под напором водной массы,
Но на поверхности остался.
Волны были столь огромны,
Что корабль на них взлетал,
А потом спускался долго,
И снова в высоту взмывал.
Двое суток бились мы
Со стихией беспощадной,
И смогли мы победить;
Все волны стали гладкими,
Наступил вдруг штиль.
Скоро будем у Суматры,-
Лишь пара дней пути...

Но на следующий день,
Когда команда отдыхала,-
Паруса вдруг засверкали,
Заискрился белый Эльм.
А когда прошло свеченье,
Шкипер крикнул: В днище течь!
Все к насосам! побыстрее!
Живей, ребята! Близко смерть!
Три часа мы тщетно бились,
Но корабль шёл ко дну.
Шлюпки на́ воду спустились,
Быстро в них по одному
Спрыгнули. Припасы взяли,
И конечно же, всё злато.
И поплыли все, в молчании.
Издалека мы наблюдали,
Как уходит наш корабль
По́д воду... Вот так сиянье
Эльмовых святых огней,-
И несчастье предвещало,
И избавленье от смертей.
Это счастье нам досталось.
На Суматре мы теперь;
Не скупаем мы товаров,
Но зато все хлещем эль,
Спасенье наше отмечаем!

Эльм святой, спаси от бед!

Свет во тьме

Месяц серп свой заострил,
Жатву хочет он собрать;
Срежет тысячи светил,
Вмиг устроит звездопад.
Сразу станут небеса
Яркими в сияньи звёзд,
Озарится вязкий мрак,
И скажу я: Как светло!..
Но такого не бывает.
Ночь весенняя темна.
Кое-как я пробираюсь
По дороге: тут и там
Пни, ухабы, и коренья,
Лес густой со всех сторон.
Здесь тропинку еле-еле
Прорубили топором.
И бреду я, как ослепший,
Спотыкаюсь обо всё,
Что не смог я заприметить.
Ох ты, господи, темно,
Словно в ветхом склепе...
Ясно светит только месяц,-
Посмотрю на небосвод,

И в душе моей светлее...
Раньше я лесным путём
Не ходил в свою деревню.
А сегодня вот пришлось.
Или в верном направленьи
Пробираюсь; или вкось
Привело меня стремленье
Побыстрее добрести?
Может, своротил с пути
На развилке, не заметив?
Я уже давно прийти
Должен к нашему селенью.
Ух, неужто ночевать
Доведётся средь деревьев?
Волки стали завывать.
Да и холод не весенний...
Всё ровно эта дорога
Приведёт меня к жилью,
К своему, не к своему;
Лишь бы приняли с порога.

Через час ходьбы увидел
Я в кромешной тьме огни.
Шёл оттуда запах дыма,-
Печки топят. Буду жить!
Знать, деревня там стоит.

Подошёл туда, смотрю,-
Пять сараев, две избы
Разместились на лужку.
Видать, охотники живут
Посреди лесных массивов,
Дичь в дубраве стерегут.
А деревни нет поблизости.
Значит, вовсе заплутал я,
Не к поселку путь держу,
А в буреломы забредаю...
Но как красиво у них тут!
Ишь, расчистили поляну,
Теперь у них везде уют.-
Трудовые поселяне.
Постучусь вон в ту избу.

Постучал я в дверь, и жду...
Слышу, кто-то подошёл;
Хрипло заскрипел засов,
Дверь открыли: вижу двух
Человек - мужик и баба.
Оба вроде бы не старые,
Но седые, словно лунь.
Бабёнка мне даёт свечу,-
Будто бы меня ждала она,
И говорит : «Давно пора бы,

Дед Петро, идти ко сну.
Что-то долго пропадал ты.»
Я внимательней взглянул
На людей, и содрогнулся,-
Глаза тоже, словно лунь,
Белёсые... Я поперхнулся,
Откашлялся, и говорю:
«Люди добрые, впустите.
Долго я в лесу брожу,
Заблудился, обессилел.
За ночллег я заплачу.»
- Заходи, коль не обидишь.
А я думала, ты кум.
Ты сейчас его увидишь;
Скоро уже будет тут,
Ждём его, всё не идёт.
Заходи; пойдём за стол.

В комнате у них темно.
Только тусклая лучина
В углу мерцает, у икон;
(Сиянье слабое увидел,
Когда нашёл их хуторок).
Сели мы за стол; молчим.
Я смотрю на тех слепцов,-
Глаза белы, власа седы;

А лица строгой красотой
Светятся, - как будто нимб
Озарил их облик странный
Своим сияньем неземным...
Очень долго их разглядывал.
А потом слепцов спросил:
«Как давно вы проживаете
На лужайке средь тайги?»
- Лет, наверное, пятнадцать.
А до сей поры мы с дедом
По дере́вням побирались.
С малых лет, не видя света,
Хлебушком чужим питались.
А потом старик Петро
Выстроил в чащобе дом,
Стал охотой заниматься.
Вспахали малый огород.
Коз выводим прогуляться
На лужок; коровы есть.
Мы с Матрёной всё прядём
Ткани, и валяем шерсть.
Сосед Макар ткань продаёт.
Видел здесь соседний дом?
Вот; Макар нам помогает,
Товары на базар свезёт,
И нам деньжат он уделяет

От продаж. Так и живём.
«А Петро, наверно, старый?»
- Скоро восемьдесят будет.
Но здоровья в нём навалом,
Зверя с лёгкостью добудет.
С утра уходит на охоту,
А к вечеру бредёт домой.
А бывает, тёмной ночью
Идёт с громадною сумой,
Несёт с собою уток, зайцев...
Матрёна, ну-ка постояльца
Накорми, неси бульон.
Суп из утицы наваристый.
Только хлеб у нас плохой.

Отведал я отменный суп,
И дальше разговор веду
С братом и сестрой убогими.
В двери вдруг раздался стук,-
Петро явился на пороге.
Здоровый дед, слегка сутул;
Глаза горят огнём суровым,
Словно бор густые брови,-
Нахмурены. В руках мешок.
«Сегодня трёх тетеревов
Мелкой дробью приголубил;

И двух зайчаток из силков
Вытащил. - Тулупчик будет,
Много накопилось шкурок...
Матрёнка, это кто такой?»
- Это гость у нас заблудший,
Он пошёл не той тропой.
«Что ж, бывает, - лес густой.
Отдыхай, скиталец, кушай.
Скучно у нас день-деньской;
Расскажи чего, - послушаем.»
- Чего могу я рассказать?
Пошёл с работы я домой,
Но в буреломе так темно,
Что ненароком заплутал.
Спасибо, что меня впустили
В дом к себе заночевать.
«Ты, наверно, из Пушилино?»
- Да, живу я в тех краях.
«Ты на целых восемь вёрст
Себе дорожку намотал,-
Вот как Леший прочь увёл!
А мне хозяин леса дал
Оборку от лаптей своих,-
Я быстро нахожу пути,
Шагая по его следам.
Мне великий Лесовик

Добычу может указать,-
Молвит он: Туда идти
Надо, чтобы пострелять.
Хорошо мы ладим с ним;
Дух лесной даёт мне знать
Все секреты сей тайги.
А сироток сих слепых
Сам Всевышний наставляет,-
Могут хвори излечить.
Матрёна проведёт перстами
Там, где что-нибудь болит,
И боль та сразу перестанет
Того беднягу изводить.
А Прохор просто рядом сядет
С человеком, и узнает
Все мысли, чувства и желанья,
Душу сразу разгадает.
Он видит тусклыми очами
Злой очаг заболеванья,
И хворь испорченной души.
Он прошепчет заклинанье,
Знак на ладанку поставит,
И вмиг недуги исцелит.
И коли Прохор угощает
В доме нашем постояльца,
Значит, добрый человек

Зашёл с дороги отоспаться.
И всё внимание - к тебе.»

Я изрядно растерялся.
И говорю ему в ответ:
«Неужели так бывает?
Непонятно это мне...
Если честно, я не верю.
Ну скажите, как же так,
Даже не имея зрения,
Видеть чистые сердца?»
- Я и сам того не знаю.
(Отвечает Прохор мне).
Попытаюсь описать я,
Что такое свет и тень.
Добрый человек - светло,
Вижу всполохи свеченья;
Словно нимб вокруг него.
Голос слышу в это время,
Говорящий мне о нём.
А когда приходит злой
Человек, - вокруг затменье,
Он покрыт ужасной мглой,
Вижу тени преступленья.
(Ведь у нас всегда темно
Пред глазами), а тогда,-

В этом мраке вдруг пятно
Проявляется, как знак.
Слышу много голосов,
Крики жертв; и дикий вой
Того, кто обитает в сердце,-
Сущность его песнь поёт
Жестокую и очень мерзкую.
Взор мой видит суть его,
Уши слышат голос правды,
И понимаю, кто есть кто.
И только общими чертами
Виден он передо мной.
Петро меня перехвалил.
Мысли изредка ловлю;
Например, вот этот нимб,-
Думку подловил твою,
Ты о нас подумал так...
Ты в тумане беспокойства,
Беспокоишься за мать,
За жену, детей. - Не бойся,
Не пошли они искать
Тебя среди дубравы тёмной.
Думают, что ты опять
Нанялся на труд подсобный,
Не придя заночевать.
«Я не знаю, что сказать...

Ты слепой, но ясно видишь!
Теперь я верю в чудеса.»
- Ты садись к Матрёне ближе,
Про здоровье всё узнай.

Матрёна руки приложила
К голове моей; потом
Прошептала что-то тихо,
По шее провела перстом.
И на груди свою ладонь
Медленно остановила.
«Ты здоровьем, словно Пётр,
Предо мною долгожитель.
Но болезнь ты перенёс,
Простудился очень сильно.
Попей парное молочко
Горячее, - в него горчицу
Добавляй, и ложку мёда...
Лет до девяноста точно
Без болезней проживёшь.
Наградила мать природа
Тебя здоровьем и умом.
У вас в роду сия порода;
И деду твоему под сто
Лет, с отцовской стороны;
Скоро он покинет мир.»

- Да, дед Влас давно болеет,
Год лежит он на печи.
Верно, - дедушка столетний.
Как возможно так? скажи.
Как ты можешь это знать?
«А я сама того не знаю,
Мне голоса всё говорят.
А вот болезни ощущаю,-
Чувствую тепло в руках,
Или холод... вижу свет,
Сиянья вспышками горят
На местах, где силы есть.
А где хвори - только мрак.»
- Хорошо, что я сегодня
Заблудился... Вот те на!
Чудеса вокруг Господни!

- Тут ты правильно сказал.
(Тихо отозвался Прохор).
Мы, слепые, видим много
Того, что не увидит глаз.
Этот мир - собранье мыслей,
Чувств, идей, и настроений.
Перед вами то, что близко.
Перед нами - всё на свете;
Всё, что было здесь в веках,

Всё, что будет в скором времени.
Перед взором - только мрак.
Перед сердцем - мир нетленный.
Очень тяжко жить нам здесь.
Песни птиц нам помогают
Ждать, когда нагрянет смерть,
Она в иную жизнь отправит.
И там, с рассветными лучами,
Прекрасный мир увидим мы.
В земной юдоли мы страдали,
А там нам счастье предстоит
Познавать своим сознаньем...
Нету мёртвых, живы все;
Но в разном все существованьи
Бывают, - либо следи тел,
Либо в мысленном пространстве.
Сознанье наше постоянно
Изменяет состоянья;
То по небесам летает,
То в мирах ведёт скитанье.
Только образ умирает,
Обращается во прах,
Тело тлеет; ум витает,
Воспаряет на ветрах.
Души путь свой продолжают.»

Утром я пошёл домой.
На душе моей светло
Стало; я нашёл дорогу,
Просветлел от слов слепцов!
И теперь я ближе к Богу.
Ясно вижу сон земной;
И реальность понемногу
Отделяю от него.

Рух

Приди ко мне, вдохновение,
Покинуло ты дух поэта.
Вернись на листы поскорее,
Дари мне идею сюжета.
Стихи хочу сотворить я,
Сложить напевно поэму
Про жизнь иных поколений,
Про мир и дикие битвы,
Про быт, в веках позабытый.
Ты слышишь меня, наитье?
Скорее к поэту вернись!
- Я слышу твою молитву.
Чистую, резвую рифму
Через окошко открытое
С ветром я шлю; прими.
Твори же стихотворенье,
Пиши поэму без схемы,
Как ты всегда и делаешь.
Сюжет появляется вмиг.-
Из тёмного омута времени,
Строка к строке мгновенно,
В плавном ритме напевном
Воскреснет древняя мысль.

Знай, что тебе помогают
Те, кто отсюда ушли,
Те, кто в ветрах витают.
Слушай нас, и пиши...

Над горной грядою летает орёл
И клёкотом хищным простор оглашает;
С большой высоты он на скалы взирает,
И хочет пролить по ним кровь,-
Жертву себе с высоты выбирает...
Он видит, как быстро стремится река
С вершины добраться в долину,
Он слышит, как гулко грохочет вода,
Пробегая по каменным глыбам.-
С высокого склона несётся поток,
В мутной воде возвышаются камни,
Волны врезаются в них, разбиваясь,
Шум издавая, похожий на рёв
Грозного зверя, - раскатистым эхом
Он раздаётся в ущельи глухом...
Выше по склону, в сотне шагов
От горной реки, мечеть видна белая
И пара десятков ветхих домов.
Там проживают абреки с семействами;
Пасут на лужайках свой скот,
И в дерзких набегах детям наследство

Добывают, - сыны диких гор,
Сильные духом, у них возрастают.
В селеньи живут хорошо,
Война постоянная им не мешает;
Дома их в горах, высоко,
Сюда никогда враги не нагрянут.
Но горе недавно пришло,-
Оспа жильцов в домах сосчитала,
Семнадцать людей полегло.
И больше всего досталось Анвару,
Один он остался живой,
Семейство его в гробах почивает.
Анвар помешался умом,
Целыми днями по склону гуляет;
Он говорит сам с собой,
С рекой и с горами он разговаривает.
Следит за парящим орлом,
И следом за ним к небесам улетает.
Сказания старые он вспоминает,
Соседям он часто молвит про Рух,-
Мудрую птицу, которая знает,
Как просветить человеческий дух.
Анвар найти эту птицу желает.
Люди с грустью внимают Анвару,
И отвечают: найдёшь обязательно.

Никто и подумать не мог,-
Анвар отправился в путь;
Пошёл он искать гнездо
Птицы по имени Рух.
Анвар обратился к горам,
Просить их о помощи стал:
Горы, - суровые старцы,
Снежные ваши седины
На пиках высоких искрятся,
Сияют в солнечных бликах.
На выжженных лицах у вас
Зияют морщины глубокие,-
Долгие думы тяжёлые
Оставили след на века.
Вы помните много эпох;
Вы знаете сотни народов,
Ходивших по тверди земной,
И канувших ка́мнями в омут
Времён, в пучину забвенья...
Люди бесследно уходят.
А вы сохранять долголетье
Умеете очень надолго.
Вы получили бессмертье,
Вечную жизнь на покое,
В безмолвии тысячелетий...
Скажите, мудрые горы,

Не словом, а явной приметой,
Есть ли на свете птица,
Которую кличут в легендах,-
Рух? И где же таится
Птица сия исполинская?
Как мне её отыскать?
Я успокоил все мысли;
Горы, я слушаю вас...

Анвар стал внимательно слушать,
И зорко смотреть вокруг.
Вдруг, словно выстрел из пушки,
Громкий раздался звук,-
Камень огромный упал
С высокой горы Эльбрус.
Анвар прошептал: «Ага!
Сейчас я туда и пройдусь.
В легендах я тоже слыхал,
Что там проживает Рух.
Ох, помоги мне, Аллах,
Я верю, что птицу найду!»

Десять дней и ночей
Анвар поднимался к вершине.
И вот наконец-то залез.
По дороге он пёрышки видел

Размером с дом небольшой.
А теперь он узрел гнездо,
В котором бы семь слонов
Вместо птенцов разместилось.
Потом потемнел небосвод,-
Гигант, расправивши крылья,
Парил над высокой горой,
И голос звучал громовой:
«Извечную мудрость хотел?
Забирай же её, друг мой,
Я дарю тебе истинный свет.
Ступай же к жизни иной.-
Скоро ты встретишь смерть,
И станешь вечным, как горы,
И много счастливых дней
Проведёшь вблизи небосвода,
Среди старинных легенд,
Которые сотканы словом,
Мыслью живых существ.
Здесь не бывает мёртвых.
Души живые, без тел,
Дружно творят миры,
Мыслями строят они
Много далёких планет,
Основу для них создают;
И могут уйти по желанью

В новый, чудесный приют.-
Снова в телах воскресают,
В прекрасных мирах восстают.
А до этого все пребывают,
Как будто бы в райском саду,
И всё, что себе пожелают,
Мыслью в сей миг создают.
И только достойные души
Способны достичь блаженства.
И ты, Анвар, с ними вместе
Построишь обитель лучшую.
Рух награждает лишь тех,
Кто праведно жизнь проведя,
Вдруг повстречает смерть.
Я мудрость таким навсегда
Дарую... Готовься, Анвар,
Дар прекрасный принять...»

Испугался Анвар, побежал
Вниз по высокому склону;
Споткнулся, и камнем упал,
Рухнул в ущелье глубокое,
И вмиг получил высший дар,
Обрёл премудрость надолго;
И счастье в горах отыскал,-
Увидел близких покойников,

Родных своих повстречал...

Мудрость мирская - прах,
Нету в ней Истины светлой.
На тверди земной - суета;
Скорби, и горькие беды.
А мудрый покой - в небесах.
Рух открывает глаза
Людям, идущим в рай.

Ветер вдохновенья

Где ты, ветер вдохновенья?
Душно в прозе жизни стало.
Прилети хоть на мгновенье,
И повей скорей в сознанье
Свежей рифмою красивой.
Скучно в этом бренном мире;
День и ночь идут, мелькают,
Словно кадры в кинофильме,-
След недолгий оставляют
На душе... Нет впечатлений;
Есть как будто отпечатки,
Лишь мерцанья ежедневные,
Тени на стене печальной,
Которую возвёл Платон.
Это всё, как будто - сон...
А за гранью есть реальность.
Вечный ветер, ты оттуда.
Принеси же мне в сознанье
Свой набросок, партитуру,
По которой буду петь я.
Пусть ушедшие столетья
Явят мне рассказ недолгий,
Пусть сюжет летит, как ветер

К нам на Землю с небосвода.
Вечный ветер, мне поведай
Сказ о временах далёких...

Вихрь примчался на мой зов,
Растрепал мои тетради,
Расплескал чернила он,
И сразу написал сказанье
На листах. Вот что там было.-

Ты просил краткий рассказ,
Слушай: Вечность равна мигу.
Всё, что может видеть глаз,
Всё, что может ум постигнуть,-
Пред тобой, и в то же время,-
Далеко, в просторах дальних.
Здесь есть много измерений;
Мирозданье - сеть фракталов,
И в одном из них вы спите,
И сны обманчивые зрите.
В человеческих сознаньях
Нет пути для пониманья,
Неспособна ваша память
Вспоминать существованья
Прошлые, - проснулись вы
В новой жизни, и забыли

Всё, что прежде с вами было.
Ваша жизнь, как миражи,-
Мгновенья тают непрерывно,
Исчезает краткий миг,
И с ним уходят в омут тьмы
Сотни тысяч поколений.
Где найдёшь ты здесь живых?
Ходят толпы привидений,
С путей своих вздымая пыль.
Тут реальность, как виденье,-
Грёзы спящего сознанья.
Вы, как тени, исчезаете...
Видишь этот белый лист,
Он лежит в твоей тетради.
Ты слова в него впиши,
А потом сожги, - едва ли
Текст в себе он сохранит.-
Чистый лист - ваши умы...
А ты способен вспоминать
Путь, которым прошагал
В иных веках поля Земли.
Твоя стезя писать, - пиши.
Но мало кто поймёт тебя.
Когда восстанешь ты в телах
Иных, прочтёшь стихи свои.
Ну а пока - бросай бухать;

Поэмы жизненно твори,
И мудрость вечную вплетать
Не забывай меж строк.
(И строки после подровнять
Не позабудь). Как Блок,
Пиши, - аптека и фонарь,
Повторится всё, как встарь.
Вот рассказ мой, принимай.
Таков расклад. Прощай...

Некрономикон

Когда сиянием украсился восток,
Аль-Азиф восстал от сна ночного,
С восходом солнца вышел за порог,
Вновь пошёл к базару городскому.
Он беден был, и жил в шатре один.
На рынок приходил, и там на лавки
Мешки товаров целый день грузил;
И так он добывал на жизнь динары.
Азиф трудился, рук не покладая,
Но лишь гроши в карманы получал,
И на съестное все доходы тратил.
Потом домой шагал, чтобы поспать.
А утром повторялось всё с начала.

И в этот раз Азиф шёл на работу
Усталый от вчерашнего труда.
Едва-едва переставлял он ноги,
А по пути всё ахал да вздыхал.
Он клял судьбу, роптал на Бога,
Долю злую громко проклинал.
(С утра пуста была ещё дорога,
Никто ему ругаться не мешал).
И с каждым шагом тяжелей ему

Становилось, ум его мутился;
В ушах его звучал ужасный гул,
И перед взором всё двоилось.
Упал Азиф на пыльную дорогу.
Едва дыша, как пласт, лежал.
Потом пришёл в себя немного,
И еле-еле на́ ноги привстал.
И в этот миг увидел пред собою
Красивую девицу молодую.
Она сказала: «Поспеши за мною;
Ступай, и чудо покажу я.»

Шли они по той пустой дороге;
А с двух сторон деревья вырастали,
Цветы и травы лезли из обочин.
И стайки птиц так низко пролетали,
Что ветерок холодный шёл по коже,-
Крылья птиц служили опахалом.
А щебетанье пташек столь похожим
Было на благие песни ангелов,
Что бедняк от неги словно таял,
Душа его от счастья замирала...
А потом всё помрачнело вдруг,
Мгла свет солнечный объяла,
Страшным стало всё вокруг,
Ночь кошмарная настала.

Во́роны, с картавым граем,
Налетали сверху на Азифа,
И на деву милую садились.
А шакалы гадко завывали,-
По дороге стаями ходили.
И тени безобразные гуляли
Чёрные пре-чёрные, густые;
Это были злобные шайтаны,
Злые повелители пустыни.
Аль-Азиф девицу обхватил,
Чтобы оградить её от них.
А девица уже стала старой,-
Старуха утомлённая стоит
И руки свои к нему тянет,
И ворчливо, тихо говорит:
«Иди, тебя уже заждались;
Там стоит великий властелин,
Подойди к нему, и обсуди
То, что на тебя он возлагает.»

Аль-Азиф увидел пред собой
На дороге длинную фигуру
В чёрном балахоне; капюшон
Был накинут, и горят оттуда
Глаза, как угли раскалённые.
Бледное лицо от злобы жуткое,

Но в то же время оно мудрое,
Выражение его ужасно гордое.
На белой коже пятна трупные
Видны, и струпья прокажённого.
Владыка ада в чёрном балахоне
Стоит; в руке он держит посох.
Посмотрел он на Азифа грозно,
А потом ему слова промолвил:
«Ты нас приведёшь из мира скорби
В мир людской, на поле боя.
Но сначала мудрость книг усвоишь;
Вскоре станешь ты учёным.
Сегодня ты идёшь в библиотеку,-
Она налево, там, за поворотом.
И наймёшься за кусочек хлебца
Охранять их ветхую постройку.
Сразу тебя примут, будь уверен.
Там ты и постигнешь все науки,
Будешь просвещаться ежедневно,
Дух твой станет очень мудрым.
Всё, что нужно, ты от нас узнаешь,
Скажем мы тебе, как поступать.
Станем приходить к тебе во снах,
И обсудим всё с тобой в деталях.
А теперь ступай обратно в тело,
И скорей уже примись за дело.»

Азиф открыл глаза; едва-едва
Приподнялся он, и осмотрелся.
Он тут же на дороге и лежал...
«Я сейчас пойду в библиотеку,
И посмотрим, правду ли сказал
Тот шайтан? Я почему-то верю.
Наймусь к ним охранять их зал;
Это будет лучше по сравненью
С тем, как на базаре я пахал.»

И когда Азиф шёл по дороге,
Он увидел всё, что будет с ним.-
Путь земной Азифу предстоит
Ровный, лёгкий, но недолгий.
В достатке он отныне станет жить;
Быстро наживёт себе богатства.
Прозорливый ум, и мудрость книг
Помогут ему жизнью наслаждаться.
Советником он станет при халифе,
Но при этом будет сам в тени.
Жизнь его теперь - его труды,-
Чтенье и писанье манускриптов.
А та библиотека обветшалая
Скоро станет главной городской.
И там Азиф, науки постигая,

Сможет расплатиться с сатаной
За спасение. - Напишет книгу,
Заклинанья страшные составит,
Соберёт он символы и знаки,
Способные к людскому миру
Двери отворить исчадьям ада.
Он будет и советник тайный,
И библиотекарь в то же время.
И станет жить, нужды не зная.
Во всём ему помогут демоны,
И власть могучая мирская.

В библиотеке приняли Азифа.
Много книг он там прочёл.-
За три года изучил алхимию;
А потом до магии дошёл,
И ещё пять лет её штудировал.
На девятый год он стал писать
Книгу толстую про символы,
С помощью которых вызывать
Можно духов тьмы. Потом,
Ещё через четыре года,
Манускрипт он создал свой.-
В самой краткой форме
Изложил таинственную суть,
И призвать исчадий смог.

Но в тот же вечер занемог,-
Хвори налегли ему на грудь.
И в страшных муках умирая,
Видел он большое пламя
Адское, сошедшее на Землю.
Заявились в мир шайтаны,
И дьявол прогулялся медленно.
А потом исчезли вмиг;
Умер в корчах Аль-Азиф.
И всем магам он оставил
Этот тёмный манускрипт.
Но с собой забрал все знанья,-
Не смогут разгадать они
Смысл тайных заклинаний.

Маг

Омут времени глубок.
Огромная чреда веков
Тянется во мгле бездонной,
В глубине иных эпох.
Троны, царства, и народы
Скрыты в толще вод.
Поплыву я вглубь столетий,
Чтобы там найти сюжет;
Души мёртвых будут петь мне
О том, что было на Земле
До нас, в глубокой древности.
Обмакнул перо в чернила,
И замер я... Послушал песни,
И стал писать я торопливо.

Во время власти царя Кира
Жил в Персии великий маг;
Силу книг сполна постиг он,
Сакральный смысл их познал.
И стал сей маг стихи писать,
Он рифмой излагал красиво
Суть небесной высшей силы;
Она одна весь мир создать

Смогла; всё то, что живо,
И то, что здесь когда-то жило,-
Едины с сутью сей всегда.
(Писать стихи совсем не диво.
И тот, кто книги прочитал,
Тот сам стремится описать
Всё то, что его сердцу мило).
Но маг тот знаньем обладал.-
Он слушал ветер заунывный,
И слышал голоса могильные,
И в миг он рифмой начинал
Слагать поэмы очень дивные.
Он души мёртвых призывать
К себе сумел речитативом.
Вопросы мёртвым задавал,
И те с ним долго говорили.
Чтоб ветер завывал порывом,
Маг поселился среди скал,
Пещеру в скалах отыскал,
И в ней он быт неприхотливый
Себе устроил, - почивал
На камнях, и там же пищу
Принимал. Своё жилище
Маг ничем не обставлял.
А сам ходил он во вретище;
И стопы плохо обувал,

Он тряпьём их обмотал.
Выглядел на вид, как нищий.

Однажды маг опять взывал
К мёртвым; написавши стро́ку,
Слушать стал он очень долго,
Как ветер воет среди скал,
А потом свой стих слагал.
Обычно, опус весь окончив,
Маг отправлялся отдыхать.
И мёртвые ложились спать,
Его не беспокоив больше.
Но в этот раз ему никак
Не удавалось свои очи
Сомкнуть; звучали голоса
В ушах его нахально очень:
«Ступай сегодня отыскать
В том селе, что за горою,
Семью Дженаба гончара,
И потолкуй с его вдовою.
Дженаб летает среди нас;
Он будет говорить сейчас,
Дела обсудит он с тобою.»
- Дайте мне чуток поспать!
Да что ж такое происходит?
Пускай скорей он излагает

Перед сном свою историю.

«Мир тебе, великий маг.
Я Дженаб. Прошу я вот что:
Пусть найдёт жена моя
То, что нужно очень срочно.-
В подвале спрятал злато я,
Закопал я в двух горшочках;
Там сундук стоит сейчас,
В нём Зухра свои платочки
Сберегает. Подскажи ей,
И на небе будет милость
Душе твоей. Сходи с утра.»
- Ладно. Только ты отстань.
Дайте мне уже поспать!

Рано утром маг пришёл
В то село; и показал он
Схрон забытый, золотой.
И вдова была обрадована,
Щедро мага наградила
Всякой разною провизией:
Шёлковый халат вручила,
В котором муж её ходил,
Чалму дала, и сапоги.

Придя в пещеру, чародей
Хотел спокойно посидеть,
Поесть; и лучше осмотреть
Дары вдовы. Но тут к нему
Сонмы мёртвых прилетели,
И громко хором загалдели:
«Помоги же нам, кудесник!
Мир будет храму твоему;
То есть, всей твоей пещере.
И укрепится сильный дух
В твоём тощем, хилом теле.
Только помоги нам, друг!»
Такой в ушах ужасный гул
Стал звучать у чародея,
Что он отправился скорее
В село. Нашёл там труп,
Зарытый неким лиходеем.
Помог ковёр купцу вернуть,
Украденный. За это денег
Получил. И всё селение
Теперь всегда несло к нему
Еду, одежду; восхваленья
Воздавало. В общем, маг
Стал в пещере процветать.

Но так от голосов устал,

Что биться стал он об каменья.
Что поделать, он не знал;
Ведь мёртвые к нему всё время
Приходили, хор звучал
В голове его. И демоны
Стали тоже к чародею
Заходить, когда он спал.
От них он многое узнал,
Стал ещё в сто крат мудрее.
Зато свободу потерял;
Войско жило в его теле,
Духи тёмные владели
Его сознанием: «Ты маг,
И за все свои уменья
Должен мёртвым помогать.
Погляди на эти тени,
Что скользят в твоей пещере;
Если ты сумеешь сам
Своею силой овладеть ими,
Станешь, словно царь.
А если не сумеешь,
То вернёшься к нам,
Скитаться на ветрах.
Ты был в иных столетьях,
И тут живёшь опять.
Жизнь земная - прах,

Но в мире нету смерти...»

Не выдержал сей маг
Ужасных тех видений,
И сбросился со скал.
Теперь он привиденьем
Пришёл к тебе. Запомни,
Коль скликáешь мёртвых,
Умей хранить себя;
И шёпот их поможет
Сакральное познать.
А если ты не сможешь,-
Погубишь сам себя.

Незваные гости

За окном февральская метель,
И тепло; подтаял мягкий снег.
Надену свою шубу поскорей,
И пойду на белый снег глядеть.
Выхожу из дома в огород,
И иду по тропке до дверей,
Отворяю маленький засов
На заборе, и шагаю в степь.
Предо мной раскинулся простор,-
Широка заснеженная твердь.
Далеко в раздолье вперил взор,
Не видать окрестных деревень;
Лишь снега навалены ковром,
И метель с небес вовсю метёт...
Хорошо на сердце у меня,
Ух, не зря я выпил самогон,
Осушил пузатенький стакан;
И теперь в душе моей восторг!
Два часа готов я простоять,
Созерцая снежную равнину.
Тишина, покой, и красота;
Обожаю я пейзажи зимние...

Вижу что-то чёрное вдали;
Это тройка мчится по степи.
Колокольчик издали звенит,
И кричит, свистит лихой ямщик.
(Это бричка барская). Зачем
Мчатся баре к хатам напрямик?
Заплутали, видимо, в пурге,
Пристанище хотят себе найти.
Может быть и рекрутский набор,
Они тоже скачут на таких
Тарантасах модных... Нет, не то.
Это баре рыщут по степи...
Ближе подъезжает бричка их;
Крикну ямщику, чтоб своротил,
И заборов в пелене не сшиб:
«Эй, сердечные! правей держи!
На меня направь своих коней!
Папахой вам махаю; э-ге-гей!
Да раскрой ты очи! посмотри!
Ты в плетень летишь, злодей!»
Услышал он, увидел, повернул.
Подойду и на гостей взгляну...

Открылась в тарантасе дверь,
И вылазит важный франт
В орденах, - наверно, офицер;

Закручены усы, как бант.
А за ним спускаются две дамы,
И лопочут что-то невпопад,
Как французы; пышные наряды
Оправляют, ногами семенят.
(Наверно, долго ехали, устали).
«Здравия желаю, ваша светлость! -
Приветствую я франта молодого.
Как вы угодили в нашу местность?
Целых двадцать вёрст до города.»
- Сколько?! (Франтик простонал).
Боже мой! Мари́, мы заблудились!
А ты, проклятый, свято уверял,
Что вороные пробирались рысью
В пелене до города, вслепую!
«Ох, барин, правду я толкую. -
Отозвался с облучка ямщик.
Кони добрые в пургу лихую
Завсегда сумеют путь найти.
И нашли среди полей жилую
Слободу; мы у домов стоим.»
- К чертям мне ваша слобода!
Мы спешим в поместие Орловых,
Через два часа назначен бал;
А ты увёз совсем в иную сторону!
- Не шуми, (запричитали дамы).

Всё же не в сугробах замерзаем.
- Ну да, мы станем танцевать
Возле печки все под балалайку!
Ну как же так? Тоска, тоска...
Эй, хозяин, двери отворяй нам,
Запускай к себе заночевать!
Угощай нас щами с тараканами!
А мы тебе потом два пятака
За славный званый бал заплатим!
«Милости прошу. Моя стряпня,
И правда, не очень-то опрятная.
Но по щам не лазит таракан,-
Я всегда в мороз раскрою хату,
И хлада запускаю прусакам,
Сразу, гады, стадом замерзают.»
- Тьфу! Пойдёмте же на бал;
Князь нас приглашает в зал...

Дамы, офицер, лихой ямщик
Толпою в домик мой зашли.
Печь я посильнее растопил,
И подогрел им поскорее щи,
И на стол поставил. Самогон
По чаркам чистеньким разлил,
И сала им из погреба принёс.
Тем, что было, славно угостил.

Лучшая приправа, это голод,
(Да и щи мои были свежи),-
Дамы и боярин стали лопать.
А ямщик восторженно хвалил
Самогон, и сало прокопчённое.
Я прекрасным дамам предложил
Пригубить напиток за здоровье
Всех дворян и местных крепостных.
Кавалер их бешено вспылил:
«Кому ты предлагаешь своё пойло?!
Ведь они не пили кроме вин
Ничего подобного!» - Не спорю,
(Браво я промолвил офицеру).
Но нету здесь чудесного Аи,
И ликёров бесподобных нету.
В хате моей долго просидим;
Не уехать нынче по метели.
Давайте же себя развеселим!
Испейте по глоточку хмеля...

И дамы по-французски завели
Разговор: Ха-ха, потом хи-хи
Прозвучало; они посовещались,
И по два глоточка пригубили.-
Долго они фыркали, плевались,
И кашляли, и даже голосили.

А потом их очи просияли,
И румянец по щекам разлился.
Началось весёлое гулянье!
Франт ещё сильнее расхрабрился,
Ударял с размаху по медалям,
Басурман всех перебить грозился.
А ямщик запел протяжно песню
Долгую, раздольную, как поле,
И тяжёлую, как горы; честную,-
Пел он громко о народной доле.
Дамы сокрушаясь, зарыдали,
И боярин стал по пьяни плакать.
А потом на лавки враз упали,-
Самогон крепчайший укачал их,
Захрапели гости с непривычки.
А мы всё пели, пили с ямщиком,
И трепака сплясали по обычаю,
Придавили половицы каблуком.
Вот такой вот вечерочек вышел,
Два сословия сошлися за столом.

Рок

Говорят нам мудрые витии,-
Мы творцы своей судьбы.
Отчасти да; но в этом мире
Бывает так, что сами мы
Идём за непреклонным роком,
Судьба нам выбрала пути:
Кому-то стать Наполеоном
Быстро в жизни предстоит,
А кто-то, как бы ни старался,
Не сможет лучшего достичь.
Жребий каждому достался
При рожденьи, с ним идти
Придётся по путям земным.
В малом есть свобода воли,
И вместе с ней детерминизм,-
Вот что всем нам уготовано.
Момент сей надо объяснить:
Возьмём в пример Наполеона.
Если бы он был банкиром,
Или бардом вдохновлённым,
Или искусным ювелиром,
То после, - рано или поздно
Стал бы воином великим,

Гениальным полководцем.
Понеслась бы цепь событий
И привела б его к триумфу.
Байрон, Лермонтов и Пушкин
Тоже стали бы писателями,
Несмотря на то, что временно
Могли трудиться на пекарне.
Им гениальный выпал жребий.
Таких людей ведёт судьба;
Они способны лишь детали
На жизненном пути менять,
Свободой воли то считая.

И нас, обычных обывателей,
Тоже, только в малой мере,
Судьба по жизни направляет.
Свободы больше мы имеем:
Для института мало знаний,-
Ступай профессиям учиться.
Не стал охранником на складе,-
Не беда, - пошёл в таксисты.
От перемены мест слагаемых
Сумма чисел не увеличится.
Судьба совсем другого плана
У заурядностей в наличии,-
Не прыгнут выше головы.

И лишь банальности от них
Везде приходят в этот мир.
Для них подходят все пути.
Стал, к примеру, лаборантом,
Но в долгий срок не уяснит
Чего-то большего: всё рядом,
Книжки, практика, - учись;
Но нет способностей на это.
Таких людей везде найти
Легко; итог всегда один.-
Стараний много, толку нету.
Сейчас я стану говорить
Про тех, кого судьба ведёт.
Талантов много среди них.
Но лишь немногим повезёт
В гениальность свой талант
Превратить. Но всё ровно
В теченьи жизни показать
Смогут то, что суждено;
Тускло, или ярко смогут
Проявить искру от Бога.
Расскажу я вам историю:

Я в то время жил в Крыму,
На берегу Чёрного моря.
Грузчиком в порту работал,

Под мешками спину гнул.
И платили нам неплохо.
На торговом складе мы
Двое суток через двое
Пахали, с ночи до зари.
(Смена начиналась ночью).
Дружно мы трудились там,
Все друг другу, как друзья,
Отношенья очень тёплые.
Всегда работали, резвясь;
Песни весело горланили,
И кубарей везде гоняли,
И при этом груз таскать
На плечах мы успевали.
Был средь нас седой Иван,
Маэстро - мы его прозвали;
На казанках он всё стучал,
Такт дубасил музыкальный.
И на гитаре вальс играл,
Когда в каптёрке отдыхали.
В сорок лет седым он стал,
Спиртное пил Иван изрядно.
Везде он лазил, тут и там,
Ходил по зданию громадному,
И за собой он всех таскал.

Однажды мы на фортепьяно
Наткнулись в тёмном закутке.
«И кто же его здесь оставил
Среди хлама?.. Ну-ка, все
Взяли дружно, приподняли,
И потащили в центр склада
Сей прекрасный раритет!» -
Весело Иван скомандовал.
Принесли мы сей предмет
Музыкальный. Наш Иван
Враз по клавишам ударил,
И Мурку складно наиграл.
В складе раздались овации:
«Ах ты, Ваня, музыкант!
Тебе работать в ресторации
Нужно! У тебя ж талант!»
- Я и так работал, братцы,
Двадцать лет тому назад.
А теперь мне разыграться
Надо с вами на мешках,
Чтобы как-то пропитаться.
Что поделать, не судьба
Мне искусством заниматься.
Да я играл-то года два.
«А звучит, как будто двадцать
Лет уменье упражнял!»

- Рад, что музыка понравилась.
Я стану иногда играть,
Во время перекуров наших.

Когда Иван играл на фортепьяно,
Все складские шли его послушать.
И однажды наш начальник склада
С купцом богатым шёл покушать
В зданье главное; услышав музыку,
Замерли они... Сказал начальник:
«Хорошо играешь! Но послушай,
Сможешь ты исполнить классику?
- И классику могу, и безделушки
Исполнять. Коль попросили вы,
То вспомню я творения светил.-
Иван сыграл Бетховена сонату;
Созвучьем ладным души усладил
Слушателям. Начальник завопил:
«Прекрасно! Талант - твоя награда!
Тебя Господь всевышний наградил!
А можешь наиграть импровизацию?»
- Легко сыграю; сброшу груз с души:

Седой Иван стал звуки подбирать,
Они текли из сердца, словно волны,
Тяжёлым сонмом громко ударяли

В берег слуха; громко в перепонках
Рокот мощный зазвучал. - Тоска,
И сила непреклонная, стихийная;
За валом поднимался новый вал,
Звуки буйства пенились красиво,
Разбиваясь в брызги ярких нот.
Не было в мелодии повторов,
Всё сплошным потоком шло,
Музыка рождалась превосходная.

Купец богатый закричал Ивану:
«Пойдём работать в ресторан мой!
В самый распрекрасный в Ялте;
Станешь получать сполна оплату!»
А начальник склада произнёс:
«Он зароет там свои таланты.
На эстраде выступать бы надо.
Что ж поделать: злобный Рок.
Вот таких в сословьи знатном
Надо бы иметь, и был бы прок;
С пелёнок стали обучать бы...
Решай Иван, к купцу пойдёшь?»
- Ну конечно! Надо поиграть мне!
Мне сам Бог устроиться помог!
Вовремя пошли вы прогуляться
По складам! «Что ж, хорошо.

Расчёт получишь в сей же час.
Я зайду послушать в ресторан,
Как играет Ваня виртуоз.»

Три года Ваня хорошо играл.
А потом стал пить он снова,-
Из ресторана перешёл в кабак.
Талант его блистал недолго.
Но всё-таки вела его судьба
По путям событий; но неровно.
Всем талантам сразу уготован
Путь земной; сумеют показать
Скрытую в душе способность.

Древняя легенда

Резвый ветер-непоседа
Мне поведает легенду
Древнюю; сюжет навеет.
Я прислушаюсь к нему.
Ветер веет медленно:
Послушай быль мою.

По пустыне аравийской
Шёл богатый караван,-
Вёз китайские шелка.
Стольный город близко,
И скоро на базар
Попадут товары,
И там купец Исса
Наживёт динары.
Исса давно торгует
Редкими вещами.
И всегда рискует,-
В неведомые дали
Ходит без охраны,
Чтобы не делиться
Златом с ходоками;
Сильно суетится

О своём богатстве.
Исса изрядно храбр,
Но ужасно жаден.
Девять человек
Его сопровождают,
В подчиненьи все,-
Рабы; а он хозяин.
Им почти не платит,
Лишь за пропитанье
Стараются они.
Богатство у Иссы
Безмерно возрастает.
Пара дней пути,
И Исса в Багдаде;
Там шелка свои
Он удачно сбагрит.
А пока в песках
Плутает караван.

Вот и ночь настала,
Звёзды в тёмном небе
Загорелись ярко.
Теперь настало время
Долгого привала,
Надобно поспать.
Рабы шатры разбили,

Костры уже горят;
Все ужинают мирно.
Исса, поев сполна,
Отдал распоряженья
Всем своим рабам,
Чтоб они смотрели,-
На месте ли шелка.
А сам улёгся спать.
И только задремал,-
Вдруг его подняли:
Кричат ему: «Исса,
К нам шайтан нагрянул!
Наверно, сумасшедший
Дервиш, - не иначе.
О мирах нездешних
Он хочет посудачить.
Мы гнали его, гнали...»
- Пусть зайдёт сюда.
Заплутавших странников
Не надо прогонять.

И зашёл тот старец,
Низко поклонился,
И промолвил: К раю
Ныне устремишься.
Я к тебе явился,

Чтобы ты запомнил
Время прежней жизни,
Быт средневековья.
И когда увидишь
Ты в иных веках
Шёлковые нити,
Вспомнишь про себя,
На себя посмотришь.
Дай скорей лепёшку!
Устал я голодать!
- Ты, наверно, болен.
Рассмешил меня!
Быт средневековья...
Кушай, подкрепляй
Чахлое здоровье.
И чай вот наливай
Наваристый зелёный.
«Спасибо, человек.
Я так устал сегодня;
Целый божий день
Сидел за монитором.
Офисный планктон
Кормится на море.
Начальники кругом
Съедают поголовье
Офисных рабочих!

Проклятые акулы!..
Чай очень хороший,
И лепёшка вкусная.
Спасибо, человек!»
- Не за что; поешь.
Долго ты в пустыне
Странствуешь один?
«Этот мир - пустыня.
А люди, - как пески;
Вечный ветер носит
Их во тьме времён.
Утром, днём и ночью
Люди видят сон...»
- Ум твой помутило
Отсутствие воды
И еды... Скажи мне,
Видел ты в своих
Видениях не сны,
А саму реальность?
Увидь её, проснись!
Уйди из зазеркалья!
«Я давно не сплю,
Добрый человек.
Не смыкавши век,
В вечности хожу.
Других не разбужу;

Но напомню сон,
О жизни расскажу
В череде веков.
Шёлковая нить
Напомнит о былом.
Эту нить увидь...»
- Ясно всё с тобой.
Кушай, бедный странник,
И спать потом ложись.
Рано утром встать мне
Надо, чтоб свезти
Товары до Багдада.

И вот Исса добрался
До города. Товары
Разместил по лавкам.
Быстро покупатели
К прилавкам набежали,
Шелка они скупали.
Исса считал динары;
И старца вспоминал он:
«Странные слова...
Действительно, как сон,-
И вся эта толпа,
И весь докучный звон
Монет, и звон речей.

Сон мирской пройдёт,
Исчезнет, словно тень...
Когда парил пророк
В девятых небесах,-
Узнал мгновенно всё,
Провёл он там века.
А время на часах
Песчинки отсчитало;
Текла ещё вода
Медленно, по капле
С кувшина опрокинутого.
Вечность в этом мире
Мгновению равна.
Все мы в царстве сна.
Грёзы этой жизни
Уходят... Ветер дует,
Окно мне распахнул он...

Шёлковые шторы
Качались на ветру.
И теперь я вспомнил
С кем я торг веду.
Древнюю легенду
Мне поведал ветер,
Сагу о бессмертьи
Мгновенно рассказал.

Ткань перерождений
В нитку размотал...

Монолог пророка

Творец миров, услышь меня.
Поведай мне о мирозданьи;
Раскрой все тайны бытия,
Сокрытые в Твоём сознаньи.
Я мудрый смысл хочу постичь,
Открой заветные скрижали,
И дай прочесть слова Твои;
Я вникну в суть необычайную,
И легче станет мне идти
От жизни к смерти. Знаю я,
Что вновь рожденье предстоит,-
Душа вселяется в тела
Постоянно... Но зачем?
Есть ли в этой схеме цель?
Письмена мне говорят,-
Целью служит восхожденье
По бесконечной лестнице;
И мы шагаем к небесам,
Идём к иным мирам далёким,
Чтоб явиться в существах
Превосходных, столь высоких,
Что они равны богам.
На Земле есть ад и рай,-

Они у нас перед глазами.
Те, кто обречён страдать,
И те, кто счастье получает,
Находясь в своих телах.-
У кого-то свет сознанья,
У кого-то страшный мрак.
Точно так же и в мирах
Отдалённых, - рай и ад,-
Разум, качествами разный.
И само пространство, как
Ад и рай: миры есть там
Ужасные, и есть прекрасные.
А есть такие, где всё сразу,
Точно так же, как у нас:
Свет и мрак, добро и гадость.-
Дорогу можно выбирать,
Чтобы в лучший мир добраться,
Или в худшем прозябать.
И в этом смысл бытия,-
Постоянно возрождаться,
Чтобы путь свой продолжать.
Бесконечны странствия...

Я давно скитаюсь, Отче.
Отчего Ты не поможешь
Мне юдоль сию покинуть?

Потускнели мои очи,-
Много зла я в мире видел.
Сердцу тяжко очень,-
В ранах кровь бурлит;
Душа кричит навзрыд
От боли... Гнев во мне
Пробуждает этот мир!
Пускай же он сгорит,
Как сноп травы, в огне!..
Но нет, добро в душе
По-прежнему сияет;
Но топчут его все.
Лишь злобу понимает
Двуногий человек!
Пускай же он сгорает!
Мало здесь людей,
Но очень много тварей...

Отче, ты мне снова
Глаголешь старый стих:
Если грешных толпы,
Но есть средь них один
Праведник, - спаси
Весь мир, а не губи;
И семя правых вскоре
Всю Землю населит.

Отче, это вздор всё!
Побольше станет их.
Но стадо основное
Останется таким,
Каким и было прежде.-
Животные в одеждах.
Зачем им восхожденье?
Они других не пустят
Уйти из мира тленья.
Сожги их захолустье!
И станет во вселенной
Почище и просторней.
Сгуби их преисподнюю!

Опять Ты говоришь
Про тернистый путь.
Всю жизнь я так иду,
И вижу только лишь
Гадкий тлен и тьму.
Я знаю, что есть Свет,
Я долго шёл к нему.
Но ненависть во мне
Вскипела! Я сверну
С праведной дороги
Даже в страшный ад,
Лишь бы тех двуногих

Нещадно покарать!

Когда придёт пожар
С небес в юдоль земную,
Сгинут стар и млад
В ужасных лютых муках.
Все те, кто от огня
Погиб, счастливей будут,
Чем те, кто устоял
Во время страшной бури.-
Хворь пойдёт в ветрах
Гулять, и смерть посеет;
От гадких гнойных язв
Умрёт всё населенье.
Настанет запустенье.
А после мир погибнет;
Но через много лет,
Когда звезда остынет,
Угаснет вечный свет.

Солнца свет затмится,
Повсюду будет мгла.
Взойдёт кровавая луна
И станет власяницей.
И звёзды вниз слетят,
Как смоквы переспелые.

Всё море, вся земля
Развеются, как пепел
На ветрах. Весь прах
Рассеется в просторе.
И времени не станет,-
Легион эпох, эонов
Уйдёт в своё начало.
А те, кто измеряют
Времена, - восстанут
Снова к жизни новой,
В иных мирах далёких.
Нету здесь финала,
Есть повторений много.

Ода мёртвым

Люблю я погулять в вечерний час,
Когда закат багряный догорает,
Когда природа словно засыпает,
И в тёплом воздухе витает тишина.
У дома нашего есть старый сад,
Туда и прихожу по вечерам я;
И по аллеям медленно шагая,
Вспоминаю про былые времена,-
И то печаль меня одолевает,
То радостью душа моя полна.
Прошлое пред взором пробегает,
Мелькает предо мною череда
Мгновений ярких; люди оживают,
События. А рядом только тьма,
Закат сгорел, и в тёмных небесах
Звёзды отдалённые мерцают,
И плывёт средь облаков луна...

Однажды, нагулявшись допоздна,
К дому я собрался возвращаться,
И нежный голос рядом услыхал:
«Навсегда со мною ты останься!
Я из тьмы времён к тебе пришла.»

Татьянин голос сразу же узнал,
Мы учились с ней в одной гимназии.
Давным-давно Татьяна умерла.
А я так и не смог с ней попрощаться,
На погребение тогда я опоздал...
Голос Тани я услышал явственно,
Будто бы она вон в тех кустах
Спряталась, и разыграть меня
Собралась. Мурашки неприятные
Забегали от ног до позвонка...
Я ускорил шаг. Но тут опять
Голос за спиною вдруг раздался:
«Успевай к Гагариным на бал,
Мы станем славно развлекаться
Компанией. Давай, не опоздай.» -
Бодро произнёс Егор Купянский;
От чахотки двадцать лет назад
Помер он... Я так перепугался,
Что как столб на месте встал...
Смотрю вокруг, - повсюду тьма.
Выходит, это всё - галлюцинации.
Но снова я услышал голоса;
И вовсе с незнакомой интонацией
Они о всяком разном говорят.
И к дому поскорее я направился.

Когда я показался у дверей,
Моя служанка Оля вздрогнула;
Видать, лицо моё немножечко
Стало удивлённей и бледней.
«Оля, принеси-ка мне ликёра.» -
Сказал я ей, шагая в кабинет.
Забрался я по лестнице к себе,
Снял пальто, и сел за столик.
Зажёг свечу, и стал листать
Старый стихотворный томик,
И в нём я стансы отыскал,-
Оды страшные покойникам.
Я их читал, а рядом голоса
Раздавались звонким хором,-
Строки стройные в стихах
Зазвучали монотонно:

Мы летаем на ветрах,
На Земле и в небесах.
Лишь тела ушли во прах.
Слышишь наши голоса?
С тобою души говорят
На безмолвных языках.
Обратись душою к нам,
И станешь много знать
О воде, огне, ветрах,

О земле; о всей природе.
Ты узнаешь сам себя
Под общим небосводом,
Среди усопших. Нас
Ничего не разделяет,-
На одних ветрах витаем.
Слушай вечный глас,
И знай, - одно сознанье,
Но сотни тысяч глаз
И ушей в телах отдельных;
Умы, что есть сейчас,-
У нас, у вас: одновременно.
Но мало кто из вас
Умеет слушать вечность.
Будь поближе к нам,
Прими гонцов нездешних.
Мёртвые к тебе приходят
С переменою погоды,
И особенно весною.
Ты видишь нас во снах,
И в обликах природы;
Читаешь в письменах.
От земли до небосвода
Можешь ты взмывать.
Всюду вечная весна;
В мире нету смерти,

Все попрали прах.
Проживи на тверди,
И вернись опять...

Числа

Черёмуха душистая цветёт.
Холодно на улице; и дождь
Потоком льётся с небосвода,
Город тонет; каждый двор
Морем стал для пешеходов,
Не пройти по лужам вброд.
Грязь и слякоть на порогах.
Надрывно окна и балконы
На домах бетонных плачут
Каплями дождя. Со вздохом,
Ветер северный раскачивает
Деревья бедные, - их кроны
Треплет; первые листочки
С веток резво обрывает.
Словно осень вновь пришла
В середине мая. Мрачно,
Свинцовые тучи по небесам
Плывут; а солнце гаснет,-
Редко луч блеснёт порой,
И опять всё скрыто мглой.
В такую хмурую погоду
Все люди по домам сидят.
Прибегут они с работы,

Разольют по кружкам чай,
И пьют, усталые, безмолвные.
И только иногда кряхтят,
Погружаясь в очень сонное
Состоянье; словно транс
Бывает у них в эту пору,-
В одну точку они смотрят,
И распивая чай, молчат.

Вот в таком же состоянье
Был бухгалтер Николай;
Глядел на чайник, не мигая,
Пил чаёк, и размышлял.
Он пришёл домой недавно,
Работы было через край.
Перед взором всё мелькали
Дебет с кре́дитом, счета,
Неустойки, пени, штрафы,
Большие вычеты с зарплат;
И так далее, так далее.
Сплошною чередою шла
Цифровая вакханалия.
И даже клавиши в ушах
У Николая всё стучали,
Словно капельки дождя.
«Я, как будто автомат.-

Думал Николай печально.
Понапрасну жизнь моя
В череде недель мелькает.
Радость прежняя ушла,
Грусть-тоска меня терзает.
Для чего прожил года?
Бегал, бегал за зарплатой,
А духовно нищим стал.
Детство светлое пропало,
Юность яркая прошла.
Чувства в сердце отсияли,
И остался вязкий мрак.-
Словно тучи в небосклоне
Плотною стеной сгустились,
И дождь идёт неугомонно,
Стучит по окнам и карнизам
Монотонно...

Все мы, словно эти капли,
Что стекают со стекла;
В омут времени мы канем,
И не останется следа.
Сотни тысяч поколений,
Миллионы, миллиарды
Во вселенской бухгалтерии
Исчезают без возврата.

Кто потом составит сальдо?
Нет доходов и расходов.
Господь, наверно, сосчитает
Числа жизни для налогов,
Там, в небесной канцелярии.
А здесь, у нас, считает дьявол.-
Цифры правят этим миром,
Три проклятые шестёрки.
Всем убогим, всем великим
Печать поставлена на лоб их;
Ни покупать, ни продавать
Они без карт своих не смогут.
И вскоре все их паспорта
Тоже будут отцифрованы.
Цифры торгом управляют,
И нашей жизнью под луною.

Числа правят мирозданьем,-
Правду Пифагор глаголил.
На уравненьях капитальных
Вся космология построена.
Расчёты от большого взрыва,
И геометрия Минковского,
И Хиггсовы поля обширные,
Частицы Хиггсовы на поле.
И шкала пространства-времени,

Чётко смерившая в космосе
Все расстоянья до объектов,-
Пути фотонов, и их скорость.
Всё это - числа в уравнениях.
Но их расчёт - не построенье
Человеческих сознаний.
Есть порядок во вселенной,
Его-то мы и наблюдаем.
А хаос только в мире бренном,
В жизни нашей процветает.
Вот такая бухгалтерия.
Числа нами управляют...»

Часы

Столетья, как минуты на часах
У Бога; он смотрит: час назад
Тут страшная творилась суета,
Такая же, как пять часов назад.
Пусть люди суетятся и сейчас,
И сад прекрасный превращают в ад.
Покуда в мире властен сатана,
Трудно путь найти в небесный град.
И только верные сумеют отыскать
На бренной тверди райские врата.
Если станут с верой в них стучать,
В себе самих путь к свету отворят,
Откроют путь в далёкие миры;
Суть познав, уйдут из вязкой тьмы.
А тут одна лишь гибель предстоит.

Правда, и другой есть вариант,-
Как будто люди сами сотворят
На Земле хороший, добрый сад,
И чудные плоды на нём взрастят.
Все государства станут процветать
Без войн и прочего мирского зла.
А люди по способностям сознанья

Станут здесь почти равны богам.
(Уйдут года на часиках Создателя
Для того, чтоб то явилось нам).

Есть и третий, худший вариант,-
Человек погубит Землю сам.
Недаром Иоан нам написал
Апокалипсис; он ясно увидал
Коней в бронях и всадников на них;
Огонь ужасной яростной войны,
Сошедший с небосклона до земли.
И изошедшего из вод морских
Дракона; глады, язвы, моры...
Впрочем, и без этого всего мы
Сгинем после гибели Земли.
Лучше уж в саду чудесном жить
До того. А дальше уготован
Будет каждому пригодный мир.
На часах Творца идут минуты
С той поры, как стали мы ходить;
Мы младенцы, но не верим в чудо.
Не думая, в миру привыкли жить.

Жизнь

Жизнь пройдёт, как миг;
Вчера ты молод был,
А завтра ты - старик.
Каждый миг лови,
И долго будешь жить.
Жизнь не торопи,
Не спеша, пройди
По путям земным.
На солнышко взгляни,
Порадуйся рассвету;
Каждый луч прими,
Как дар вечного неба.
А вечером вздохни
С усталостью печальной;
С закатными лучами
На отдых поспеши,
И ночью долго спи.
Утро будет вскоре;
Вновь на небосводе
Увидишь лик зари.
Яркий жизни миг
Снова повторится,
Бликом заискрится

На полях земных.
Солнце и лучи -
Вечность и мгновенья,
Исток у них один.
В жизни нету смерти.
Есть краткий мрак ночи́
С сакральным сновиденьем,
И яркий свет лучистый,-
Рассветный блик рожденья
В мирах неисчислимых.
Жизни миг и вечность
Во времени - едины.

Тысячи стрел

Путник усталый, внемли
Мудрым советам моим.
По дорогам мирским иди,
Отряхая бренную пыль.
Пускай отощала сума,
И в заплатах последний халат;
Не злато украсит тебя,
Его не возьмёшь в райский сад.
Умножай богатства ума,
Знания в кладезь сбирай.
В сознаньи твоём - алмаз;
А злато и почести - хлам.
Пусть алмаз твой сияет
И путь земной освещает.

Не ходи по мосту хитреца;
Лучше ринься в бурный поток,
И душа твоя будет чиста,
Челнок правды тебя понесёт
По высоким грозным волнам.
Сладко спит на перине лиса,
Вся в шелках с головы до ног;
Но прогнило давно всё нутро,-

Шелка и перина - лишь прах,
Если сердце, как медный грош.
Будь прям и широк душой,
И себя к небесам вознесёшь,
Уйдёшь из юдоли мирской.

Не сиди на коврах льстеца;
Мягкою тканью слов
Силок он тебе плетёт,
В заплатах его похвала.-
Тот, кто легко воздаёт
Почести, может потом
Так же легко клеветать.

На поле широком трава
Обильно под солнцем растёт.
А добрый питательный злак
Требует долгий уход.
Узнать, кто враги, кто друзья
Поможет не ласковость слов.
Друзья будут там, где беда,
Останутся рядом с тобой.
И враги будут ясно видны
В зареве страшной беды.
От плевел зерно отделяй,
Друзей по делам узнавай.

А если остался один
Среди сорной травы,
И тернии бед оплетают
Тебя на правом пути,-
Иди, ни на что ни взирая;
Победа ждёт впереди.
Помни верное правило,
Чудную мудрость Всевышнего:
Если с тобою правда,-
Устоишь один против тысячи.
Сила даётся тому,
У кого закаляется дух
В жарком пламени бед.-
Сталью стал его ум,
Сердце - натянутый лук,
А воля - тысячи стрел.

Мудрый совет

Горит в небосводе солнечный диск,
Струятся лучи на дома и мечети,
В бликах искрятся лачуги, дворцы;
Знойная дымка по воздуху медленно
Плавает. Город восточный шумит,
Базары заполнены толпами; в улицах
Люди, взметая дорожную пыль,
Спешат по делам, суетятся, торгуются,
Спорят, кричат. Среди этой толпы
Шагает учёный, недавно окончивший
Курс медицины, - Бадр ибн Шафи.
Бадр омрачён, - на челе беспокойство;
Он поругался сегодня с начальством.
Открытие сделал о кровообращении,
Но в зале учёные лишь рассмеялись.
Бадр их просил дать ему ещё времени,
Чтоб подтвердить несомненные факты.

Месяц назад начались эти прения,
Но повод другой был, - ведь Бадр упрямо
Лез прямо к звёздам чрез местные тернии,
Не слушал догматы лекарей старых.
С заданьями Бадр легко управлялся,

Теория, практика, - виден талант.
Но только мешала горячая младость;
Мало почтеннейших он почитал.
И тут появилась их злоба и зависть,-
Палки в колёса повсюду пихать
Стали они; сообща собирались
В глухую провинцию Бадра отдать,
Чтоб нищих лечил. А к науке его
Не допускать все негласно решили.
А пустят его при условьи таком,
Чтоб все наставления юноша принял,-
Станет тогда исфаханским врачом.
Бадр отказался. И в сильном унынии,
К дяде сейчас за советом пошёл.

В цветущем саду отдыхал его дядя,-
Ковёр расстелил, и усевшись на нём,
Решал он задачи тяжёлые; в шахматы
Играл его дядя в саду сам с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.